

Колыбель психологии деятельности

(предисловие к публикации текста)

А. Н. Леонтьева «Харьковская психологическая школа» /Справка/)

Е. Е. Соколова

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В статье представлены комментарии к публикации архивного материала об истории Харьковской психологической школы, принадлежащего перу А. Н. Леонтьева. Отмечены отдельные погрешности в датировке главой Харьковской психологической школы некоторых событий, относящихся к указанному периоду, а также сознательное умалчивание А. Н. Леонтьевым имени харьковского психолога А. И. Розенблюма, обусловленное известными социокультурными причинами. Не ограничиваясь простыми комментариями к тексту, автор настоящей статьи на конкретных примерах обосновывает ранее выдвинутую гипотезу о харьковской психологической группе как самостоятельной научной школе — исследовательском коллективе, входившем составной частью в школу — направление в науке, созданное Л. С. Выготским. На материале неопубликованных личных писем членов Харьковской школы к А. Н. Леонтьеву демонстрируется опосредствованность межличностных отношений в данной школе как малой группе Общим Делом, которым, в частности, было творческое развитие идей Л. С. Выготского об историчности психики. В публикуемом тексте даются комментарии к оценкам А. Н. Леонтьевым вклада Харьковской школы в теорию и практику психологической науки, а также в развитие культуры эксперимента.

Ключевые слова: Харьковская психологическая школа, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, психологическая теория деятельности, научная школа.

Предлагаемый вниманию читателя текст, случайно найденный недавно в архиве П. И. Зинченко, представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, это редкая в творчестве А. Н. Леонтьева историко-психологическая работа (как известно, он не считал себя историком психологии, оговаривая это даже тогда, когда речь касалась истории разработки проблемы деятельности, к которой Леонтьев был прямо причастен, — см. [11]). Конечно, для 1946 г., когда, вероятнее всего, был написан публикуемый в настоящем номере журнала текст*, 30-е гг. и первая половина 40-х гг. XX века — это совсем недавняя история, но все-таки уже история. А во-вторых, текст посвящен Харьковской психологической школе, которая, увы, до сих пор недостаточно изучена в истории отечественной и мировой психологии, несмотря на то, что в последнее время — и, в частности, в нашем журнале — появился ряд значимых публикаций на данную тему (см., напр.: [19; 20]).

Скромно названный А. Н. Леонтьевым «Справкой» (писавшейся, вероятно, для определенного под-

ведения итогов научных исследований возглавляемой Леонтьевым школы; возможно, поводом для написания текста был запрос каких-либо инстанций или даже «органов»**) текст содержит множество интересных для современных психологов сведений о членах Харьковской школы, о ее публикациях, в том числе в малотиражных и труднодоступных сборниках тех лет, в нем представлены некоторые важные вехи истории данной школы. Эти сведения требуют, несомненно, подробных и тщательных комментариев, которые, в свою очередь, предполагают специальные исследования ранее опубликованных источников, их сравнительный анализ с текстом «Справки», тщательную работу в архивах для уточнения тех или иных фактов и т. п. Все это должно составить предмет специальных историко-психологических исследований.

Отказываясь в настоящем предисловии от подробных и построчных комментариев, не могу не обратить внимание читателя на некоторые моменты публикуемого текста, бросившиеся мне в глаза или

* Это можно установить по имеющимся в тексте ссылкам на опубликованные к моменту его написания работы.

** Об этом косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что А. Н. Леонтьев пишет о себе в третьем лице.

вызвавшие мой особый интерес как историка психологии, давно уже занимающегося историей школы А. Н. Леонтьева.

Начну с некоторого разночтения в датах, встречающихся в этой работе и ранее опубликованных текстах. В данной «Справке» самим Леонтьевым годом защиты его докторской диссертации назван 1940-й (этот же год как год защиты упоминается и в некоторых историко-психологических работах). Между тем автор настоящего предисловия располагает ксерокопией* иного, также собственноручно написанного А. Н. Леонтьевым текста, а именно записки на обороте конверта письма, посланного А. Р. Лурией А. Н. Леонтьеву в 1942 г. в Свердловск. Не все слова этой записки разборчивы, и тем не менее начало ее видно очень отчетливо: «13 мая 1941 года я успешно защитил дисс[ертацию] на степень доктора пед. наук» (далее в записке идет перечисление оппонентов А. Н. Леонтьева на защите; ими, как известно, были Л. А. Орбели, С. Л. Рубинштейн и Б. М. Теплов). Разночтения в датах (1940-й или 1941-й гг.) могут быть объяснены, вероятно, тем, что собственно текст диссертации был подготовлен к концу 1940 г. и этот год указан на обложке рукописи диссертации (об этом свидетельствуют ссылка в тексте публикуемой «Справки» на диссертацию и ранее опубликованные архивные документы**), тогда как сама защита состоялась 13 мая 1941 г. Надо сказать, что данное разночтение в датах — не единственное в публикуемом тексте. При ссылке на работу С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» А. Н. Леонтьев делает аналогичную ошибку: указывает вместо 1940-го 1941-й год.

Если даже даты для своего уточнения нуждаются в подобных комментариях, то что уж говорить о других моментах представленного текста: необходимо расшифровать имена-отчества отдельных членов Харьковской школы, некоторые ссылки на источники и пр. Подробные комментарии к представленному тексту требуют, как уже говорилось, весьма серьезных сравнительных историко-психологических исследований, да еще и с учетом социокультурного контекста создания представленной «Справки». Некоторые неточности и пробелы в тексте не могут быть объяснены несовершенством автобиографической памяти, а прямо обусловлены сознательным искажением фактов. Так, к примеру, в публикуемом тексте не упомянут чрезвычайно много сделавший для Харьковской школы психолог Анатолий Ильич

Розенблум (по некоторым данным, очень близкий по духу А. Н. Леонтьеву человек). В 1946 г. (самый вероятный год написания публикуемой «Справки») его имя упоминать было невозможно, так как в 1938 г. А. И. Розенблум был репрессирован. О нем в контексте истории Харьковской школы А. Н. Леонтьев упомянул в публичном выступлении лишь в 1976 г., сказав о Розенблуме, что, к сожалению, «он умер очень рано» [11, с. 272]. Теперь уже ясно, как именно умер Розенблум (в статье [21] имеется ссылка на интернет-ресурс, где приведены списки репрессированных граждан Харьковской области Украины и в котором можно найти несколько строчек о А. И. Розенблуме***). Однако легенда о более «мирной» смерти Розенблума, если позволено такое выражение, довольно долго существовала и курьезным образом попала даже в биографическую книгу о А. Н. Леонтьеве [9]****. Между тем всем членам Харьковской школы, несомненно, была хорошо известна печальная судьба А. И. Розенблума. Так, например, в письме В. И. Аснина А. Н. Леонтьеву***** от 7 мая 1944 года имеется следующая фраза: «У К. Е. [Хоменко] какие-то неприятности дома. Кажется, ее отца постигла участь Розенблума. Этим и объясняется ее молчание».

Наконец, еще один момент, который может вызывать вопросы у некоторых читателей, которые хорошо знакомы с творчеством А. Н. Леонтьева и возглавляемой им Харьковской школы и особенно — с ее исследованиями по проблемам возникновения и развития психики. В тексте публикуемой «Справки» прямо сказано, что гипотеза о возникновении чувствительности выдвинута А. Н. Леонтьевым в 1936 г. (с. 7), а экспериментальная ее разработка осуществлялась под его руководством в Москве при участии Н. Б. Познанской, К. М. Гуревича, С. Я. Рубинштейн, В. И. Бессараб (с. 5) и в Харькове под руководством В. И. Аснина (там же). В то же время в других своих работах А. Н. Леонтьев прямо указывает, что гипотеза о генезисе чувствительности разработана им совместно с А. В. Запорожцем (см., напр.: [10, с. 46]). В свою очередь, А. В. Запорожец писал, что он проводил свои исследования по генезису чувствительности под руководством А. Н. Леонтьева (см.: [7, с. 54, 56]). В данном случае мы не видим никакой особенной подоплеку того обстоятельства, что фамилия Запорожца (неоднократно присутствующая в других местах текста «Справки») здесь не упомянута (в отличие от сознательного умалчивания имени

* Данная ксерокопия была любезно предоставлена мне внуком А. Н. Леонтьева Д. А. Леонтьевым.

** Свидетельствующие, в частности, о том, что 5-я глава диссертации А. Н. Леонтьева была готова к 1.10.1940 г. (см. [9, с. 77–78]).

*** Родился в 1900 г., Ленинградская обл., г. Остров; еврей; образование высшее; научный работник по психологии, Полтавский пединститут. Проживал: Украинская ССР, г. Харьков, Барачный пер., 8, кв. 163. Арестован 29 января 1938 г. Приговорен: Военная Коллегия Верховного Суда СССР 22 сентября 1938 г., обв.: 54-8-11 («активный участник антисоветской эсеровской террористической организации»). Приговор: ВМН. Расстрелян 22 сентября 1938 г. Место захоронения — г. Киев. Реабилитирован 25 мая 1993 г. [1].

**** В сноске на с. 375 данной книги указано, что А. И. Розенблум умер, отравившись ядовитыми грибами (автором этого примечания является А. А. Леонтьев). Видимо, эта версия гибели Розенблума была придумана А. Н. Леонтьевым для сына (А. А. Леонтьева) в то время, когда было «не принято» упоминать о репрессиях.

***** Здесь и далее цитируются личные письма членов Харьковской школы к А. Н. Леонтьеву, хранимые в его архиве и любезно предоставленные автору данного предисловия Д. А. Леонтьевым. Подавляющее большинство этих писем не опубликовано, поэтому в списке литературы к настоящему предисловию они не упомянуты.

Розенблюма, о чем говорилось выше). Научное творчество в Харьковской школе было настолько коллективным, общим делом, что борьба за авторство той или иной идеи была исключена. Эта сторона жизни Харьковской школы, естественно, не могла быть сколь-нибудь подробно отражена в публикуемом тексте, который представляет собой довольно сухой «отчет» о проделанной за 15 лет работе. Данный текст освещает деятельность Харьковской школы, если использовать термин М. Г. Ярошевского, в предметно-логическом аспекте. И это дает мне повод в предисловии к публикации текста немного представить деятельность школы в социально-психологическом и личностно-психологическом аспектах.

Харьковская школа была тесно сплоченной «малой группой» исследователей, работавших по единой научной программе. Если приложить к анализу деятельности этой школы созданную А. В. Петровским в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. концепцию «деятельностного опосредствования межличностных отношений», то можно утверждать, что в полном соответствии с этой концепцией (и задолго до ее возникновения) в Харьковской школе наблюдались все известные феномены межличностных отношений (например, феномены действенной групповой эмоциональной идентификации — ДГЭИ, ценностно-ориентационного единства — ЦОЕ и др.), порожденные совместной и чрезвычайно значимой для каждого члена Харьковской школы деятельностью, Общим Делом. Этим Общим Делом было развитие идей Л. С. Выготского, выдержавших испытание временем (в качестве одной из таких идей А. Н. Леонтьев называет в тексте «Справки» идею историчности психики). Надо отметить, что в период написания текста имя Л. С. Выготского иногда упоминалось в отдельных публикациях, однако до 1954—1955 гг. работы Л. С. Выготского были в спецхранах или уничтожены, а ссылки на его работы, как правило, вычеркивались редакторами (см.: [9, с. 73]). Лишь «в конце 1955 г. в высоких инстанциях было принято решение о снятии запрета на работы Льва Семеновича» [3, с. 348]. Поэтому следует отдать должное автору Справки, что имя Л. С. Выготского упоминается в 1946 г. в позитивном ключе, хотя тут же критикуются «идеалистические» моменты концепции ученого, которые следует «преодолевать в конкретной экспериментальной исследовательской работе» (с. 3). Подобного рода критика и одновременно высокая оценка творчества Л. С. Выготского имели место и в известной работе П. И. Зинченко 1939 г., который весьма сурово критикует в ней некоторые идеи Л. С. Выготского и «примыкавшего к его взглядам А. Н. Леонтьева» [8, с. 157], а далее показывает пример «экспериментального преодоления» этих идей.

В связи с этим хочу подчеркнуть следующее. В отличие от некоторых исследователей деятельности Харьковской школы, я вовсе не считаю, что критика Выготского в исследованиях представителей Харьковской школы и, в частности, в процитированной работе П. И. Зинченко носит «ритуальный характер», как об этом пишут, например, А. Ясницкий [20] и Б. Г. Мещеряков [14]. Ставшие классическими исследования П. И. Зинченко вполне опровергали точку зрения предшествующих авторов на произвольное запоминание как механическое, изучавшееся ими вне контекста осмысленной деятельности субъекта; при этом в работах данных авторов имело место противопоставление высших, активных и произвольных форм памяти и низших, механических ее форм, закономерности которых сводились к физиологическим. Попытка преодоления подобного дуализма, предпринятая в рамках культурно-исторического подхода школы Л. С. Выготского и, в частности, в работе А. Н. Леонтьева «Развитие памяти» оказалась, по мнению П. И. Зинченко, неудачной, поскольку в ней сохранялось фактически то же понимание произвольного запоминания. Напротив, используя новые идеи психологической теории деятельности, П. И. Зинченко рассматривает произвольное запоминание как первичную форму памяти, которая всегда включена в контекст конкретной деятельности субъекта, имеющей свои мотив, цель и задачу, поэтому особенности произвольного запоминания определяются свойствами данной конкретной деятельности. В то же время произвольное запоминание как высшая форма запоминания выступает уже «не как момент другого действия, но само составляет содержание специального действия, отвечающего специальной задаче запомнить» [8, с. 163]. В этом случае деятельность субъекта отличается наличием специфической цели (и стоящего за ней мотива), а также средств и способов, специально направленных на запоминание.

На наш взгляд, это не отступление от идей Л. С. Выготского, а напротив, их качественное развитие, предполагающее действительную критику отживших положений (Платон мне друг, но истина дороже) при сохранении общих принципов созданного Л. С. Выготским нового подхода к изучению психики. Это закон развития любой научной школы, в том числе и собственно школы А. Н. Леонтьева*. Д. Б. Богоявленская в своих воспоминаниях говорила о А. Н. Леонтьеве, что он вовсе не требовал, чтобы его последователи слепо шли за своим учителем: «Ни одному ученому не приходит в голову растить исследователей, у которых не будет своих мыслей. Нет, но мысли должны рождаться в парадигме направления. Если это ученик, то это развиватель и продолжатель этой линии <...> Ученик должен идти

* Если следовать типологии научных школ, предложенной М. Г. Ярошевским в его работах, то Харьковская психологическая школа, несомненно, представляет собой самостоятельную научную школу — исследовательский коллектив со своей специфической научной программой, но при этом ее следует рассматривать как составляющую школы — направления в науке, у истоков которого стоял Л. С. Выготский и которое теперь имеет полное право называться «культурно-деятельностной психологией». Эта точка зрения на соотношение школ Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева была высказана нами впервые в 1999 г. [16].

дальше, но дальше в том направлении, которое ты увидел» [2, с. 106].

В этом смысле взаимная критика членов Харьковской школы была еще более беспощадной, нежели со стороны ее внешнего оппонентного круга. Факт, который кажется Б. Г. Мещерякову удивительным (ученик — П. И. Зинченко — пишет статью, в которой достаточно откровенно критикует своего учителя — А. Н. Леонтьева — и учителя своего учителя — Л. С. Выготского, а учитель — А. Н. Леонтьев — хвалит статью ученика публично и сожалеет, что она не вышла ранее, поскольку исследования были проведены за несколько лет до публикации. — См.: [14, с. 4]), не кажется нам невероятным и чем-то необычным именно по отношению к Харьковской школе. Дружеские отношения не мешали ее представителям дискутировать друг с другом по фундаментальным проблемам психологии и остро критиковать высказанные мысли или опубликованные тексты друзей, если они, по мнению критика, не соответствовали «духу» разработанного коллективными усилиями деятельностного подхода.

Классическим примером личного письма, в котором на нескольких страницах излагаются чрезвычайно интересные идеи, развивающие положение о психике как деятельности, и при этом имеет место весьма острая критика деятельностного подхода «изнутри», является письмо П. Я. Гальперина к А. Н. Леонтьеву, датированное октябрём 1940 г., которое было опубликовано с нашими комментариями в 1997 г. [5]. Общий вывод из тщательного анализа П. Я. Гальпериним текста подготовленной к защите докторской диссертации А. Н. Леонтьева, который А. Н. Леонтьев планировал выпустить как 1-й том многотомного труда, звучит весьма серьезно: «Основной недостаток книги заключается в том, что именно понимание психики, как деятельности, в ней остается не разработанным. Оно скорее постулируется и применяется для широких генетических конструкций, чем раскрывается и обосновывается, как таковое. А это ведет к тому, что психика, как деятельность, заменяется психикой внутри деятельности, психикой, стоящей позади деятельности и остающейся по-прежнему совокупностью явлений и переживаний сознания» [5, с. 4].

Подобный обмен письмами с нелюбезной и конструктивной критикой идей друг друга и предложением дальнейшего развития идей школы не прекращался даже во время Великой Отечественной войны. Опубликовав известную статью о психологических механизмах дошкольной игры, А. Н. Леонтьев посылает ее оттиск на фронт Д. Б. Эльконину* и

получает от него ответное, содержащее немалую долю критики, письмо под новым 1945 г. В нем Эльконин пишет, что статья произвела на него двойственное впечатление: с одной стороны, «радостное и положительное», но, с другой стороны, в ней, по мнению Эльконина, остался недоработанным вопрос о мотивах игры. И далее в письме Д. Б. Эльконин развивает свои идеи об историчности игры, подчеркивая, что не может существовать какого-то «общего» конкретного мотива игры, — каждый раз, анализируя тот или иной вид игры, надо разбираться с ее мотивом. На наш взгляд, эта позиция весьма корреспондирует с идеями «конкретной психологии» Л. С. Выготского [4] и опять-таки является качественным развитием последних**.

Таким образом, Общее Дело опосредствовало межличностные отношения членов Харьковской школы. Однако происходило и «обратное» воздействие межличностных отношений, сложившихся между участниками школы, на результаты совместной профессиональной деятельности. Представители Харьковской школы всегда называли себя «членами одного большого семейства». В любых условиях харьковчане стремятся работать вместе, признавая друг другу, что «работать по психологии — это все. А с друзьями — это высшее счастье» (письмо П. Я. Гальперина А. Н. Леонтьеву от 28.12.1942 г.). На рубеже 1942–1943 гг. П. Я. Гальперин, работая ординатором восстановительного отделения госпиталя в Тюмени, упорно добивался своего перевода в госпиталь к А. Н. Леонтьеву (в местечке Коуровка под Свердловском). В условиях военного времени это было весьма трудно, но П. Я. Гальперин не терял надежды. В его письме А. Н. Леонтьеву, датированном 11 декабря 1942 г., имеются следующие строки: «Очень прошу тебя не чувствовать передо мной как-нибудь обязанным в смысле ожиданий и надежд, которые ты мог возбудить у меня своим предложением. Надежды были очень приятны, а реализация их не всегда ведь зависит от нас, это я хорошо по себе знаю <...>. Так что очень прошу тебя, если что-нибудь с этим делом не ладится, не смущаться этим обстоятельством. А обменяться с тобой кой-какими мыслями — это было [бы] настоящим маленьким интеллектуальным праздником, на который мне очень хотелось бы попасть». Из письма Г. Д. Лукова с фронта А. Н. Леонтьеву от 29 февраля 1944 г.: «На маленьком клочке бумаги выражаю большое и искреннее чувство благодарности за твое руководство мной в прошлом и в связи с знаменательной датой твоей жизни***. Я — ученик твой, желаю успехов в делах твоих. Если же судьба будет благосклонна, то

---

* Формально ленинградец, в военное время — фронтовик, Д. Б. Эльконин считал себя и в действительности был членом Харьковской школы. Во второй половине 30-х гг. А. Н. Леонтьев занимал должность зав кафедрой психологии в ЛГПИ им. Крупской и поэтому каждый месяц в течение 10 дней жил в Ленинграде. «В эти приезды, — вспоминал потом Д. Б. Эльконин, — мы как-то по-особенному сдружились» [17, с. 246].

** Совершенно невероятной (для иных современных «политкорректных» научных споров) по накалу страстей и беспощадности критики является, конечно, дискуссия между А. Н. Леонтьевым, П. Я. Гальпериним, А. В. Запорожцем, Д. Б. Элькониним, имевшая место в 1969 г. (первая публикация материалов дискуссии была в [6]), которая, хотя и произошла намного позже разбираемого нами периода, показывает уровень взаимной критики во «внутреннем оппонентном круге» школы.

*** Годовщина свадьбы А. Н. и М. П. Леонтьевых.

желаю также и в дальнейшем работать под твоим началом».

В письмах друг другу члены Харьковской школы делились бедами и горестями, искренне беспокоились о здоровье друг друга. Из письма П. Я. Гальперина А. Н. Леонтьеву от 15.VIII.35 из Феодосии: «Л. И. [Божович] по-видимому очень устала и нужно было бы, чтобы при первой возможности она получила отпуск и хорошо его использовала в к.-н. санатории или доме отдыха (а не растратила бы его где-нибудь в Москве, под Москвой или в Харькове). Но мне страшно не терпится повидаться с тобой, чтобы спокойно набросать план года; если бы не задерживали деньги, обязательно прибыл бы к тебе в “психологические Колтуши”. Мне очень обидно за тебя, дорогой А. Н., что ты видимо подобно Л. И. не отдыхаешь, и уж во всяком случае не отдыхаешь полностью, возишься с парком*, тревожишься и огорчаешься. Все-таки перед началом года ты постарайся хоть на месяц — 20 дней выключиться полностью и заниматься только охотой**»; кстати, Саша [Запорожец] даст тебе великолепные инструкции, как заваливать в подушку длинный летний день (не в ущерб ночи)».

Многие идеи школы рождались в спорах за дружеским застольем, в атмосфере неформальных встреч и семейных праздников. Члены Харьковской школы пишут друг другу стихи, принимают участие в веселых розыгрышах и т. п. Из письма А. В. Запорожца А. Н. Леонтьеву от 9 ноября 1934 г.: «Дорогой Алексей Николаевич! Пишу тебе после праздников — в голубой, так сказать, понедельник. Голова трещит от выпитого, а кости горят от перетанцованного. В этом году нам с Тamarой [Гиневской] пришлось поддерживать честь психологического сектора на вечере. Сообразили номер “рыжих”, которые делали доклад о психогигиене и вырабатывали условные рефлексы. Пользовались шумным успехом и одобрением начальства».

Феномен Харьковской школы в этом смысле заслуживает дальнейшего изучения. Тесно сплоченная, дружная «малая группа» была островком свободы и творчества в условиях тоталитарной системы, которые, казалось бы, вовсе не давали возможности для такой свободы. Само возникновение и мощное развитие Харьковской школы опровергает довольно типичный взгляд на роль социокультурных факторов в развитии науки. Принято считать, что при тоталитаризме не могло и не может быть расцвета гуманитарных наук (к которым часто относят и психологию). Однако необыкновенно плодотворная работа харьковских психологов в столь сложных социокультурных условиях является своеобразным доказательством справедливости главной идеи психологической теории деятельности Харьковской школы: не сама по себе **среда (условия)**, а **деятельность субъекта в среде** является источником продуктив-

ного развития как отдельного человека, так и сообщества людей, называемого научной школой.

Ограниченный объем предисловия не позволяет мне подробно остановиться на анализе Харьковской школы в предметно-логическом аспекте, поэтому лишь перечислю кажущиеся мне самыми важными идеи Харьковской школы, упомянутые в тексте «Справки» и значимые для последующего развития психологии деятельности. Наряду с идеями возникновения и развития психики в филогенезе, это: понимание психики как смысловой реальности (в тексте об этом говорится очень кратко: образование особого типа связей — смысловых — создает психологическое содержание деятельности); решение проблемы соотношения деятельности и психики, преодолевшее «декарто-локковское учение о психике»; различение значения и смысла как единиц анализа сознания.

Одним из важных вкладов Харьковской школы в психологию А. Н. Леонтьев считал, как явствует из представленного текста, генетический подход к изучаемым явлениям в самом широком смысле слова и высокую культуру эксперимента. То что эксперимент был «коньком» А. Н. Леонтьева именно в ранний (в том числе харьковский период) творчества, вспоминали многие его ученики и соратники. Так, О. В. Овчинникова говорила нам в интервью о А. Н. Леонтьеве, что в своих «ранних исследованиях Алексей Николаевич проявил себя блестящим экспериментатором, но на моих глазах он уже больше не погружался в эксперимент, наверное, на это ему просто не хватало времени — такие глыбы сворачивал. Но он всегда был очень отзывчив на любые экспериментальные схемы, поддерживал их, если нужно, что-то подсказывал в ходе обсуждения...» [5, с. 44]. То же говорила нам С. Г. Якобсон: «У Алексея Николаевича был вкус к экспериментальным работам, он сам был очень талантливый в этом отношении человек <...>. Я думаю, что его собственные экспериментальные возможности не были до конца реализованы» [18, с. 34]. По воспоминаниям А. М. Матюшкина, С. Л. Рубинштейн посылал его к А. Н. Леонтьеву для консультаций по поводу экспериментальных методик (см.: [13, с. 126–127]).

Мы не говорим уже о чрезвычайной «практичности» исследований Харьковской психологической школы, которые требуют отдельного подробного и достойного анализа их вклада в психологию, особенно с учетом господствующего мифа о «непрактичности» теории деятельности. Это и работа по восстановлению движений у раненых во время Великой Отечественной войны (одним из результатов которых была фундаментальная монография А. В. Запорожца и А. Н. Леонтьева «Восстановление движения»), и многочисленные экспериментальные исследования в области детской психологии, имевшие прямой выход в практику. Они прекрасно доказыва-

* Проводимые в середине 30-х гг. исследования А. Н. Леонтьева и А. И. Розенблюма интересов посетителей ЦПКиО им. М. Горького в Москве были опубликованы лишь в 1999 г. [12].

** Одно из любимых занятий А. Н. Леонтьева на досуге.

ли общую идею Харьковской школы: для адекватного формирования или восстановления определенной психической функции требуется построение соответствующей деятельности субъекта. Всего один пример из исследований 1930-х гг. К. Е. Хоменко было обнаружено, что ребенок определенного возраста понимает выражение «золотая голова», взятое вне контекста, в буквальном смысле (голова, сделанная из золота). Когда же подобного рода метафора включается в контекст сказки, ребенок впервые обнаруживает переносный смысл не только данного выражения, но и всех других встретившихся ему метафор. Таким образом, делает вывод К. Е. Хоменко, «отдельные интеллектуальные операции, в том числе приемы художественного мышления, могут возникать и развиваться лишь внутри определенных форм деятельности ребенка» [22, с. 156]. В тексте «Справ-

ки» упомянуты эти и другие проведенные в Харьковской школе экспериментальные исследования восприятия детьми литературных произведений и книжных иллюстраций, имевшие очевидное прикладное значение.

Подводя итоги, можно сказать, что публикуемый в настоящем номере журнала текст дает весьма информативное представление, насколько интересными и разнообразными были исследования, проведенные молодыми (30–40 лет) психологами Харьковской школы, возглавляемой А. Н. Леонтьевым. Думается, этот текст займет достойное место в корпусе архивных документов, требующих вдумчивого изучения как историками психологии, так и современными психологами, для которых деятельностно ориентированная психология — не прошлое, а будущее психологической науки и практики.

Литература

1. База данных о жертвах репрессий Харьковской обл. (Украина) // Электронная версия: <http://lists.memo.ru/index17.htm>
2. *Богоявленская Д. Б.* У меня было два учителя // Психология в вузе. 2003. № 1–2.
3. *Выгодская Г. Л., Лифанова Т. М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь и деятельность. Штрихи к портрету. М., 1996.
4. *Выготский Л. С.* [Конкретная психология человека] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1.
5. *Гальперин П. Я.* Письмо А. Н. Леонтьеву // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 3.
6. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В. В. Давыдова и Д. А. Леонтьева. М., 1990.
7. *Запорожец А. В.* Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. Т. 1. М., 1986.
8. *Зинченко П. И.* Проблема произвольного запоминания // Научные записки Харьковского государственного педагогического института иностранных языков. Том I. Харьков, 1939.
9. *Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М., 2005.
10. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 1-е изд. М., 1959.
11. *Леонтьев А. Н.* Проблема деятельности в истории развития советской психологии // А. Н. Леонтьев. Философия психологии. М., 1994.
12. *Леонтьев А. Н., Розенблом А. И.* Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей Центрального парка культуры и отдыха имени Горького (Предварительное сообщение) // Традиции и перспекти-

вы деятельностного подхода в психологии: Школа А. Н. Леонтьева / Под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М., 1999.

13. *Матюшкин А. М.* Интервью о А. Н. Леонтьеве // Психология в вузе. 2004. № 3.
14. *Мещеряков Б. Г.* Мнемические эффекты П. И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
15. *Овчинникова О. В.* «Мы приходили на факультет, как в родной дом. Это была просто большая семья» // Журнал практического психолога. 2003. № 1–2.
16. *Соколова Е. Е.* Из истории школы А. Н. Леонтьева // Соколова Е. Е. Введение в психологию: Краткий конспект лекций и методические указания к курсу. М., 1999.
17. *Эльконин Д. Б.* Воспоминания о соратнике и друге // А. Н. Леонтьев и современная психология: Сб. статей памяти А. Н. Леонтьева // Под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. В. Овчинниковой (отв. редактор), О. К. Тихомирова. М., 1983.
18. *Якобсон С. Г.* «Ценности и критерии моей профессиональной деятельности были определены Алексеем Николаевичем Леонтьевым» // Психология в вузе. 2003. № 1–2.
19. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931–1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.
20. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2.
21. *Ясницкий А., Завершинева Е.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html>
22. *Хоменко О. О.* Розуміння художнього образу дітьми молодшого віку // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1941. Т. 6.

Cradle of activity approach in psychology

(foreword to A. N. Leontiev's text
«Kharkov psychological school» /Summary information/)

E. E. Sokolova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, M. V. Lomonosov Moscow State University

The paper presents comments to the archival material by A. N. Leontiev on the history of Kharkov psychological school. Inaccuracies are noted in the way the head of the school dates certain events of the period he describes, as well as his conscious failure to mention one Kharkov psychologist, A. I. Rozenblyum, for specific social and cultural reasons. Not limiting itself to the commentary genre, the present article uses specific examples to substantiate the hypothesis postulated earlier that views the Kharkov group as an independent school of thought, and as a research group that formed a part of the more general scientific school founded by L. S. Vygotsky. The previously unpublished personal letters of the Kharkov group members to A.N. Leontiev demonstrate how interpersonal relationships in their small group were mediated by their Common Cause, particularly that of developing in a creative way the idea of historic nature of the mind proposed by Vygotsky. The author comments upon A. N. Leontiev's evaluations of the Kharkov school input into psychological theory, practice, and development of the culture of experimentation.

Keywords: Kharkov school of psychology, A.N. Leontiev, L.S. Vygotsky, activity theory in psychology, scientific school.

References

1. Baza dannyh o zhertvah repressii Har'kovskoi obl. (Ukraina) // Elektronnyaya versiya: <http://lists.memo.ru/index17.htm>
2. Bogoyavlenskaya D. B. «U menya bylo dva uchitelya» // Psihologiya v vuze. 2003. № 1–2.
3. Vygodskaya G. L., Lifanova T. M. Lev Semenovich Vygotskii. Zhizn' i deyatelnost'. Shtrihi k portretu. M., 1996.
4. Vygotskii L. S. [Konkretnaya psihologiya cheloveka] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1986. № 1.
5. Gal'perin P. Ya. Pis'mo A. N. Leont'evu // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 1997. № 3.
6. Deyatel'nostnyi podhod v psihologii: problemy i perspektivy / Pod red. V. V. Davydova i D. A. Leont'eva. M., 1990.
7. Zaporozhec A. V. Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya: V 2 t. / Pod red. V. V. Davydova, V. P. Zinchenko. T. 1. M., 1986.
8. Zinchenko P. I. Problema neproizvol'nogo zapominaniya // Nauchnye zapiski Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannyh yazykov. Tom I. Har'kov, 1939.
9. Leont'ev A. A., Leont'ev D. A., Sokolova E. E. Aleksei Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M., 2005.
10. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psihiki. 1-e izd. M., 1959.
11. Leont'ev A. N. Problema deyatelnosti v istorii razvitiya sovetskoi psihologii // A. N. Leont'ev. Filosofiya psihologii. M., 1994.
12. Leont'ev A. N., Rozenblyum A. I. Psihologicheskoe issledovanie deyatelnosti i interesov posetitelei Central'nogo parka kul'tury i otdyha imeni Gor'kogo (Predvaritel'noe soobshenie) // Tradicii i perspektivy deyatelnostnogo podhoda v psihologii: Shkola A. N. Leont'eva / Pod red. A. E. Voiskunskogo, A. N. Zhdan, O. K. Tihomirova. M., 1999.
13. Matyushkin A. M. Interv'y u A. N. Leont'eva // Psihologiya v vuze. 2004. № 3.
14. Mesheryakov B. G. Mnemicheskie efekty P. I. Zinchenko // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 2.
15. Ovchinnikova O. V. «My prihodili na fakul'tet, kak v rodnoi dom. Eto byla prosto bol'shaya sem'ya» // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2003. № 1–2.
16. Sokolova E. E. Iz istorii shkoly A. N. Leont'eva // Sokolova E. E. Vvedenie v psihologiyu: Kratkii konspekt lektsii i metodicheskie ukazaniya k kursu. M., 1999.
17. El'konin D. B. Vospominaniya o soratnike i druge // A. N. Leont'ev i sovremennaya psihologiya: Sb. statei pamyati A. N. Leont'eva // Pod red. A. V. Zaporozhca, V. P. Zinchenko, O. V. Ovchinnikovoi (otv. redaktor), O. K. Tihomirova. M., 1983.
18. Yakobson S. G. «Cennosti i kriterii moei professional'noi deyatelnosti byli opredeleny Alekseem Nikolaevichem Leont'evym» // Psihologiya v vuze. 2003. № 1–2.
19. Yasnitskii A. Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: period 1931–1936 gg. // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 3.
20. Yasnitskii A. Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: pervaya nauchnaya sessiya Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta i poyavlenie «Har'kovskoi shkoly psihologii» (1938) // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2009. № 2.
21. Yasnitskii A., Zavershneva E. Ob arhetipe sovetskoi psihologii kak nauchnoi discipliny i social'noi praktiki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 6. Elektronnyaya versiya: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html>
22. Homenko O. O. Rozuminnaya hudozhn'ogo obrazu dit'mi molodshego viku // Naukovi zapiski Har'kivs'kogo derzhavnogo pedagogicheskogo institutu. 1941. T. 6.